

АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

ВОЙНА НЕ ПО ПРАВИЛАМ

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

БОЕВЫЕ
БЕСТСЕЛЛЕРЫ

РОССИЯ. АРМИЯ. СПЕЦНАЗ

Боевые бестселлеры А. Тамоникова

Александр Тамоников

Война не по правилам

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Война не по правилам / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2015 — (Боевые бестселлеры А. Тамоникова)

Главарь афганских террористов Абдулла Мирзади придумал простой способ, как заработать много денег для нужд своей организации. Он выяснил, что по линии Красного Креста в одной из афганских провинций работает российская миссия. Если русских медиков взять в заложники, обменять их на современные российские ПЗРК, а затем продать зенитные комплексы ИГИЛу — то только успевай готовить мешки для денег. Заодно и Россия подставится так, что вовек потом не отмоется: пусть попробует доказать, что это не она поставляет вооружение исламским террористам... Подлая провокация прошла как по нотам. Русская миссия захвачена и надежно спрятана. Абдулла уже начал подсчитывать прибыль, даже не подозревая, что совсем рядом под покровом ночи уже работает отряд российского спецназа под командованием майора Скоробогатова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Тамоников

Война не по правилам

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

Глава первая

Резиновая лодка с двумя гребцами и пассажиром медленно шла по реке Пяндж. Передний гребец внимательно всматривался в афганский берег. В этом месте река была широкой, спокойной, легкий ветер создавал небольшие волны, которые, пенясь, бились о скалы. Впереди слева дважды мигнул фонарь. Гребцы обогнули каменный выступ, завели лодку в затон, и она тут же уткнулась в участок пологой каменной суши. Пассажир вышел на берег. Из темноты тут же появился другой человек с фонарем.

- Ну, здравствуй, Семен Павлович! – воскликнул он.
- Здравствуй, Леша, или к тебе сейчас следует обращаться Азад?
- Да как удобней, майор.
- Генерал-майор, Леша, генерал, правда, в запасе.
- Я знал, что ты получишь лампасы. Ты всегда добивался того, чего хотел.
- И того, кого хотел. Но все это в прошлом.
- Прошу за мной.

Они, генерал-майор Глобин Семен Павлович, во время войны в Афганистане, а точнее в 1982–1984 годах, служивший в боевом полку начальником службы ракетно-артиллерийского вооружения (РАВ), и Азад Рани, он же бывший начальник склада службы, бывший прапорщик Советской армии Рубанко Алексей Викторович, начали подъем по узкой горной тропе. Оба в то далекое время активно сотрудничали с душманами, через переводчика – местного жителя – снабжая врага оружием и боеприпасами. Однажды сделка сорвалась, службой РАВ заинтересовались особы. Пришлось организовать побег Рубанко к друзьям-душманам и валить «коммерческую» деятельность на него. Избавившись от начальника склада, Глобин выкрутился, отделался строгим выговором за халатность. Но даже выговор не успели занести в личное дело майора, так как он практически тут же заменился. В Союзе его, кавалера двух орденов Красной Звезды, не преследовали. Все темные дела остались в Афганистане, и он сделал неплохую карьеру, дослужившись до должности начальника управления РАВ одного из центральных военных округов и получив генеральское звание. Глобин не знал, как сложилась судьба его бывшего подчиненного.

- Судя по всему, Леша, ты здесь неплохо устроился?
- Неплохо. У меня свой дом в Кандараме, работа прибыльная у важного человека, Абдуллу еще не забыл? Имею трех жен.
- Его забудешь. Говоришь, имеешь трех жен? Почему не четырех? Вам же позволено иметь четырех жен?
- Четвертая подрастает. Ей только одиннадцать лет, Семен Павлович. Исполнится двенадцать, заберу ее к себе. Девочка из бедной семьи, калыма особого не потребуется.
- Тебе сколько лет, Леша?
- Пятьдесят два.
- И что ты будешь делать с двенадцатилетней женой?

Бывший прапорщик, а ныне помощник руководителя террористической организации «Халифат», рассмеялся:

- А что делают с женами, Семен Павлович?
- Но она же ребенок.
- Здесь женщинами становятся быстро.
- А сколько же тогда лет твоей первой жене?
- Старшей! Старшей, генерал, сорок пять.
- И детей, наверное, куча?

– Восемь. Пять сыновей, три дочери. Двое парней уже служат в организации, две дочери замужем. Неплохо устроил. Их мужья – достойные, обеспеченные люди. Но не все и сразу я получил, Семен Павлович, после того как ты, повесив на меня все наши общие дела, заставил бежать к афганцам. Поначалу тяжело было. Пришлось воевать. Был дважды ранен. Думал, сдохну здесь, но Всевышний услышал мои молитвы. Горбачев вывел войска, на смену им пришли талибы. Вот тогда я начал свою карьеру. Но это длинная история. Да и не хочу я вспоминать прошлое. Жить надо настоящим. А оно меня вполне устраивает.

– На родину не тянет? – спросил Глобин.

– Какую родину? – усмехнулся Рубанко. – Где та родина, что послала меня сюда? Ее нет. Нет Союза, родственников тоже нет. Был брат в Украине, но, если даже жив, я его все равно не узнаю. И не нужен он мне, так же как и я ему. Так что, генерал, если что и считать родиной, то для меня это Афганистан. А чего по нему тосковать, если я здесь живу?

– Логично.

– Так, я сейчас включу фонарь, дальше тропа круче и извилистей, слева будут обрывы, иди нога в ногу за мной и прижимайся к скале.

– «Гюрза» со скалы не ударит?

– «Гюрза» нет, а вот кобра может, но она предупреждает о нападении, или забыл?

Рубанко включил фонарь. Особенно сложный и опасный участок до плато, где находился кишлак Ямар, прошли молча. Выйдя на ровное место, Глобин облегченно вздохнул:

– Не в мои годы, Леша, подобные экстремальные дела.

– Однако ты ведь приехал? Но успокойся, скоро отдохнем, поедим, а дальше уже на машине поедем.

– погоди, я перекурю, часов пять не курил.

– Курение – очень вредная привычка, а здесь, у нас в организации, карающаяся сурово. За глоток спиртного и затяжку табака можно головы лишиться.

– А как же «дурь»? Анаша?

– Это не табак. Впрочем, и за анашу можно пострадать.

– Так что, прикажешь не курить, не пить?

– Вообще-то ты не член организации, не мусульманин, на тебя наши законы не распространяются, тем более ты гость самого Абдуллы Мирзади. И все же лучше придерживаться местных традиций. А приказывать тебе я не мог ни в восьмидесятые, ни сейчас.

Глобин повертел в руках сигарету, сплюнул на камни, вложил ее обратно в пачку.

– Успеем. Куда дальше-то?

– Тут недалеко, первый дом справа от единственной улочки. Кишлак небольшой.

– В Ямаре у тебя тоже свой дом?

– Нет, это дом организации. Здесь мы встречаем гостей из-за речки.

– И что, много таковых?

– Достаточно, особенно из Таджикистана.

Они подошли к глиняному невысокому забору – дувалу, обошли его и через калитку массивных деревянных ворот вошли во двор крепкого каменного одноэтажного дома. Перед домом под развесистой кроной старого дуба – обложенный коврами топчан, рядом колодец. Слева и справа – хозяйственные постройки, за домом низкорослые яблони, заросли винограда, под навесом песчаного цвета – американский внедорожник «Хаммер».

– Это и есть та машина, на которой поедem дальше? – указал на него Глобин.

– Да, не нравится?

– Почему? Уж лучше нашего «УАЗа».

– Не скажи, это смотря где. В некоторых местах без наших добрых «уазиков» не обойтись. Но в «Хаммере», согласен, гораздо более комфортно. Умеют янки делать машины. В России-то сейчас что выпускают?

– Не спрашивай. Гонят то, что и раньше. В общем, хрень полную.

– Ну и ладно.

У ворот Рубанко и Глобина встречал афганец в камуфлированной форме.

– Раньше душманы в национальных одеждах ходили. Воевали в своих шароварах, рубахах и чалмах. Теперь же натовскими костюмами не брезгают, – усмехнулся отставной генерал.

– Здесь много что изменилось.

Встречавший слегка поклонился, и Рубанко представил его:

– Гамал Атияр, заместитель командира боевой группы организации.

– Рад приветствовать вас, господин генерал, – неожиданно на чистом русском сказал Атияр, протянув Глобину руку.

Тот удивленно посмотрел на афганца и неуверенно проговорил:

– Тоже, что ли, земляк?

– Нет, господин генерал, я пуштун, просто учился в России, вот и выучил язык.

– И в каком это вузе так учат говорить по-русски?

– В специальном, где готовят переводчиков.

– Понятно.

– У нас все готово, Гамал? – поинтересовался у афганца Рубанко.

– Да, Азад. Хозяин дома пожарил мясо, только занесли казан в дом, его жена занимается зеленью.

В воздухе действительно витал аромат жареного мяса.

– Беджан здесь?

– Где же ему быть?

– Тогда – в дом!

Троица подошла к дому. На коврике у дверей все сняли обувь, прошли в большую комнату, пол которой был покрыт дорогим, ручной работы ковром. Посередине застелена клеенка, вокруг нее разложены подушки. В углу – старый шкаф, груда одеял, окна прикрыты занавесками, и только на тумбочке единственные предметы современного мира – новый ноутбук и спутниковый телефон с широким и длинным стержнем-антенной.

Наконец появился хозяин дома.

– Али Харсал, – представил и его Рубанко.

– Ассолом аллейкум, мы всегда рады гостям, – поклонился афганец. – Устраивайтесь, пожалуйста, уважаемые, жена сейчас принесет чай. А немного позже и мясо молодого барашка, которого зарезал только для вас.

– Хоп, Али, – кивнул Рубанко, – поторопись, пожалуйста. Времени до утра мало, а гостю, да и нам всем, отдохнуть перед длинной дорогой надо.

– Конечно, господин Рани.

Глобин все понимал, он даже разговаривал на фарси и пушту, правда, далеко не так чисто, как Гамал Атияр по-русски, но общаться мог.

Харсал ушел, тут же появилась женщина, закутанная во все черное. Только из прорезей платка были видны ее черные, как и одеяние, глаза. Она поставила на клеенку чайник, пиалы, чашку со сладостями. Рубанко разлил чай.

– Надеюсь, он не с ханкой? – спросил Глобин.

– Нет, – улыбнулся Рубанко, – обычный зеленый чай.

– Хорошо, от ханки у меня болит голова.

– Ты что, в Москве пил наш настоящий чай?

– Мне хватило его в восьмидесятые. Лучше бутылку водки выпить, чем пиалу «хорошего» чая.

– Это кому как.

Жена Харсала Фатима принесла мясо, зелень, лепешки.

Отужинали на славу.

– Все же восточная кухня – это восточная кухня, – откинувшись на подушку, заметил Глобин. – Так, как здесь, ни в одном ресторане Москвы не приготовят барашка.

– Потому что пасутся отары не в загонах, а на свободе, в горах. Оттого и мясо у них нежное. Но момент, мне надо доложиться Мирзади. Кстати, информация по интересующему нас вопросу у тебя, Семен Павлович, с собой?

– Конечно. Для чего же я добирался сюда? Чтобы откусить мясо, подышать чистым горным воздухом и встретиться с Мирзади? Все, что вас интересует, – на флеш-карте.

– Хорошо.

Рубанко прошел к тумбочке, включил спутниковую станцию, взял трубку, открыл антенну, набрал номер.

– Слушаю! – сразу ответили ему.

– Все в порядке, Абдулла, я встретил старого друга.

– Он привез что надо?

– Да.

– Проверял?

– Нет. Посчитал, что это сделаешь ты.

– Правильно. Вы сейчас в доме Харсала?

– Да, поужинали, помоемся – и спать, в семь утра начнем движение.

– Следуйте прямо в Кандарам.

– Но мы ведь должны были ехать в Лашкар! Что-то случилось, что заставило тебя сменить маршрут?

– Нет. Я решил, что в Кандараме будет удобнее.

– Я понял. Если все пройдет удачно, к 14.00 должны быть у тебя.

– Никаких если, Азад, ты обязан доставить генерала на базу живым и невредимым.

– Хоп, саиб, я сделаю это.

– Другое дело. Спокойной ночи и счастливой дороги!

– Благодарю. – Рубанко отключил трубку, спутниковую станцию, трижды хлопнул в ладоши и, когда появился Харсал, поинтересовался у него: – Али, комната отдыха готова?

– Да, господин Рани.

– Вода?

– Во дворе в чане, там же мыло, полотенце.

– Хорошо. Ступай к жене. Подъем в 6 часов, в 6.30 завтрак.

– Понял. Спокойной ночи.

Кланяясь, хозяин дома ушел в свою комнату.

Вскоре все в доме спали. Глобину и Рубанко было о чем поговорить, но длительный переход отнял много сил. Поэтому, едва коснувшись подушки, предатели сразу же уснули.

В 7.00, после сытного завтрака, «Хаммер» вышел из ворот участка Харсала и, обходя большую отару, которую чабаны гнали на пастбище, пошел по извилистой дороге на юг. Вел внедорожник Садаф Беджан. Рядом с ним сидел Гамал Атияр, вооруженный советским добрым автоматом «АКМ». На заднем сиденье разместились Глобин и Рубанко.

– До сих пор удивляюсь, Семен Павлович, как тебе удалось отмазаться от особистов после моего побега, – заговорил Рубанко. – Неужели поверили в то, что я, какой-то начальник склада, прапор, мог проворачивать сделки по продаже оружия? И как тебя не сдал переводчик Халим? Он-то знал не меньше меня.

– Особисты, конечно, не поверили, что ты один продавал оружие, меня арестовали. Они, как ты правильно заметил, хотели расколоть Халима, но вот незадача, переводчик вдруг застрелился у себя дома, как раз перед арестом.

– Халим не мог этого сделать. Я-то хорошо знал его трусливую натуру, у него просто не хватило бы духа.

– Не мог, но сделал.

– Ты сам убрал его?

– Нет. Я уже был под арестом.

– Тогда кто застрелил Халима?

– Тебе так важно это знать?

– Да!

– Он застрелился сам. Хочешь верь, хочешь нет.

– Не верю, но ладно. Что было дальше?

– У особистов ничего конкретного на меня не было. Нет, со временем они, конечно, раскопали бы все, но тут закончился мой срок службы в Афгане. Прибыл новый начальник РАВ. Пришлось оперативникам КГБ меня отпускать.

– Ты хочешь сказать, генерал Борисов не помог тебе?

– Помог, конечно, царство ему небесное, достойный был мужик.

– Он погиб?

– Умер два года назад. Рак легких. Тогда в Афгане он настоял на моем освобождении, используя личные отношения с военным прокурором армии. В общем, отправился я на повышение в Забайкальский военный округ. Хотел в Чехословакию или Венгрию, а... попал в Забайкалье. Но что Бог ни делает, все к лучшему. В ЗабВО я получил полковничью должность, с нее поступил в академию.

– Ордена, которые ты получил не без помощи Борисова, тоже помогли, да?

– Конечно.

– А КГБ в Союзе не доставал?

– Не успел. Рухнул Союз, вместе с ним ушел в небытие и грозный Комитет государственной безопасности. А ФСК, ФСБ – это уже не то, да и дела по Афганистану были заброшены, других хватало. В девяностые в России шла своя война.

– Ты это о чем? – удивленно спросил Рубанко.

– Эх, Леша, – рассмеялся Глобин, – пока ты тут обзаводился женами, устраивал личную жизнь, служил талибам, в России вовсю шла криминальная, а затем и настоящая война.

– Ну, про Чечню мне известно.

– Еще бы. Ваши люди наверняка были на Кавказе.

– Нас больше интересовал Таджикистан, но были люди и на Кавказе. А вот о криминальной войне слышу впервые.

– Ну и сразу забудь. Тебе это не надо.

– Но ты-то генерала когда получил?

– Через год, как стал начальником Управления военного округа, сейчас расформированного. Тогда я жил в Москве, был третий раз женат. В армии творилось не пойми что, мне предложили должность на Дальнем Востоке. А оно мне надо? Отказался. Ну а отказался, отправили в запас.

– Погоди, ты сказал, что был третий раз женат. А чем тебе не угодил Вера, первая супруга? Уж кто-кто, а она была идеальной, можно сказать, женой. Умница, скромная, хозяйственная.

– Ты прав, – вздохнул Глобин, – Вера была идеальной женой. Но она погибла, Леша.

– В смысле?

– В прямом смысле. Пошла на работу и не вернулась. На остановку, где она ждала троллейбус, влетела иномарка с пьяной компанией. И всех... Веру в том числе. Сразу... насмерть.

– Извини.

– За что?

– Жаль Веру.

Рубанко знал первую жену Глобина, познакомился с ней в отпуске, когда привозил от мужа из Афганистана кое-какие вещи.

Бывший прапорщик посчитал, что продолжать разговор не следует, но Глобин продолжил сам:

– Как похоронил Веру, хотел ублюдков, что ее убили, по одному кончить. Не получилось.

– Не нашел?

– А их не надо было искать. За рулем сидел сынок заместителя министра, рядом дочь депутата Госдумы. Их даже не задержали, потому как они уже на следующий день свалили за «бугор». Родители подсуетились. Запил. Деньги, сам знаешь, были, и деньги большие. Загулял по-черному. Баб каждую ночь менял. Снимал в кабаках и домой... А потом по пьянке и женился на такой.

– И долго прожил с ней?

– Долго. Почти месяц. А если откровенно, я вообще не должен был на ней жениться. В то время встретил бывшего подчиненного, у него был бизнес, но не хватало денег, у меня были деньги, но не было дела. Пить надоело. Решил войти в его бизнес. Дело пошло. Как-то надо было съездить в командировку. Поехал, вернулся на день раньше и застал свою жену в постели с ниггером. Ты представляешь?! Выгнал сучку. Но холостяковал недолго. На фирме работала молоденькая девушка из провинции. Ни жилья, ни регистрации. Пригрел. Она не изменяла, не гуляла, не пила, не курила, но была настолько прямой, что доводила своей простотой до бешенства. Я с ней развелся, оставив без копейки. Какой пришла, такой и ушла. И теперь, отработав на Мирхади, могу спокойно обустроить жизнь где-нибудь подальше от России.

– Понятно! Уверен, у тебя все еще будет хорошо.

– Возможно, одного уже не будет никогда. Молодости, – усмехнулся Глобин. – А теперь расскажи подробно о себе.

Так, за разговорами, прошло два часа...

Спустившись по серпантину в долину, Садаф Беджан остановил внедорожник у широкой, но довольно глубокой реки, справа от деревянного, без перил, моста.

– Передохнем, перекусим, искупаемся, – обернувшись к Глобину и Рубанко, сказал Атияр, – а потом без остановок до конечного пункта.

Водитель расстелил клеенку на траве, выложил на нее лепешки, овощи, чашку с вчерашним мясом. Поели, отдохнули с полчаса и продолжили движение.

Оставшиеся триста километров внедорожник преодолел за шесть часов тридцать пять минут. Скорость передвижения ограничивал довольно сложный рельеф местности и особенно серпантин через перевал, но дальше шли более или менее резво.

В 16.40 по местному времени «Хаммер» въехал в город Кандарам, прошел узкими улочками и остановился на окраине, представляющей собой возвышенность с единственной усадьбой и большими постройками внутри, из которой открывался вид не только на весь город, но и на подходы к нему со всех сторон. Машина поднялась по извилистой дороге на возвышенность и через открытые ворота, видимо, охрана внимательно отслеживала обстановку вокруг усадьбы, въехала в тенистый двор, где и встала на площадке у фонтана, непосредственно перед входом в двухэтажный дом, двери которого были распахнуты, а на ступенях стоял степенный мужчина в дорогом, обшитом позолотой халате и с белоснежной чалмой на голове. Его бледное лицо оттеняла подстриженная борода.

– Узнаешь старого друга? – спросил генерала Рубанко.

– Неужели Мирзади?

– Он. Не узнал?

– Не узнал. Да сразу и не узнаешь, сколько лет-то прошло! Почти тридцать. Изменился Мирзади, изменился. Почему он без охраны?

– А кого ему здесь бояться? В Кандараме он пусть и негласный, но хозяин. Ему подчиняются все. На всех постах его люди.

Мирзади и Глобин пошли навстречу друг другу, обнялись.

– Рад видеть тебя, генерал, в добром здравии.

– Приветствую тебя, Абдулла. Ты изменился.

– Годы не пожалели и тебя, но выглядишь прекрасно.

– Да, для своих лет. Стараюсь держать себя в форме.

– Это правильно. Пройдемся по саду? Сейчас там хорошо, прохладно. А в это время женщины успеют накрыть стол.

– Ты хозяин, Абдулла.

– Но ты, кажется, забыл, что у нас превыше всего желание гостя?!

– Оставь это, друг!

Они прошли в ухоженный сад, пересекаемый извилистыми, мощенными разноцветной плиткой аллеями, дорожками с кругом посередине. Бывший генерал обратил внимание на порядок в саду:

– У тебя, наверное, тут с десятков садовников работает? Ни одной сухой ветки, ни опавшего листа, трава скошена, а розы... розы на цветнике просто прелестны.

– Нет, Семен, – ответил Мирзади, – садовник у меня один, но очень хороший и трудолюбивый. Работает с раннего утра и до позднего вечера. И не потому, что я установил такой график, а потому, что он без этого не может жить.

– У садовника нет семьи?

– Была семья, жена, двое детей. Сыновья. Они погибли, сражаясь против американцев, жена с горя умерла, Ахмед, так зовут садовника, остался один. Я взял его к себе.

– Пожалел?

– Нет. Ты же знаешь, мне неизвестно это чувство. Просто во всем городе не найдешь такого специалиста. Иногда мне кажется, что Ахмед обладает чудесным даром общаться с растениями. Начнет вянуть дерево, он садится рядом, говорит что-то, гладит ствол, что-то подсыпает в землю, в воду добавляет навоз, и смотришь, ожило дерево. А посмотри на розы. Пройдись по всему Кандараму, ни у кого таких не увидишь, да что там наш провинциальный Кандарам, в лучших цветниках Кабула подобных нет.

– Да, розы, согласен, восхитительны, но знаешь, Абдулла, меня меньше всего интересует твой сад. Я хотел бы знать, когда ты переправишь меня в Пакистан, где будет сделана пластическая операция, новые документы, кто осуществит перевод денег на новый счет нового клиента?

– А ты владеешь нужной мне информацией?

– Конечно, иначе не стал бы уходить из России. Без этой информации я тебе не нужен.

– Ну, не говори так. Мы же друзья, а друзья должны помогать друг другу в любой ситуации. Быть вместе и в радости, и в горе.

– Вот именно, что должны. Но не всегда обязаны. Или вообще не обязаны.

– Какой-то плохой разговор пошел, Семен. Пройдем, посмотришь рыбок в пруду. Их мне из Европы привезли.

– За ними тоже ухаживает садовник?

– Нет, другой человек.

– Слушай, Абдулла, а почему у тебя в усадьбе почти нет охраны?

– То, что ты не видишь охрану, совершенно не означает, что ее нет. Но ты прав. Я держу в усадьбе всего двух охранников. В Кандараме мне некого бояться, даже о появлении человека или людей из соседнего кишлака мне тут же докладывают. Не забывай, я даю работу большей части мужчин Кандарама, помогаю бедным, поддерживаю стариков. Меня уважают и боятся.

В город я выхожу в обычной национальной одежде, в той, которую носят жители. Веду себя скромно, всегда даю мелочь нищим, кормлю их.

– Интересно, о моем прибытии в Кандарам тебе тоже доложили?

– И одновременно семь человек. Сейчас их, возможно, больше.

– Ты так и не ответил на мой вопрос, Абдулла.

– Отвечу, не волнуйся. Всему свое время.

На аллее показался Рубанко.

– Саиб, ужин готов.

– Хорошо, Азад. Да, кстати, как прошла ваша встреча? Все же служили, воевали вместе.

– Душевно встретились, саиб. Мы едва не рыдали от радости.

– Ну и хорошо. Сейчас, господа, ужинаем, потом в кабинете обсуждаем наши дела. И тогда, Семен, – Мирзади взглянул на бывшего генерала, – я и отвечу на твои вопросы.

– О'кей!

– А вот этого, господин Глобин, попрошу больше не делать.

– Что не делать? – удивился тот.

– Использовать американские словечки. За них у нас лишают языка, в лучшем случае. США, как, впрочем, и страны НАТО, и те, кто вместе с ними пришел на нашу землю, являются непримиримыми врагами свободного Афганистана. Каждый афганец должен убивать оккупантов, как только появится возможность.

– А как же те афганцы, что сотрудничают с оккупантами?

– Они еще большие враги, и их, и весь род ждет в будущем одно – смерть. Но... прошу в дом!

После сытного ужина Мирзади и Глобин поднялись на второй этаж, где рядом со спальней главаря террористической организации находился его кабинет. Кабинет был оформлен и меблирован в европейском стиле, что несколько удивило Глобина. Он повернулся к Мирзади:

– У тебя, строгого ревнителя ислама, кабинет, как у какого-нибудь человека в Москве или в Вашингтоне.

– Я же просил не упоминать американцев, – недовольно поморщился Абдулла. – А насчет кабинета – я приказал оформить его в европейском стиле потому, что так удобнее работать. Все под рукой – компьютер, спутниковая радиостанция, канцелярщина, документы. – Он указал на кресло у большого, обитого зеленой материей стола: – Присаживайся, разговор предстоит не короткий.

Глобин сел в кресло. Мирзади устроился в таком же, но за столом, и сразу перешел к делу:

– Что у тебя по переносным зенитно-ракетным комплексам? Можно рассчитывать на поставку крупной партии?

– Можно, – утвердительно кивнул генерал. – В ста восьмидесяти километрах от Москвы, у населенного пункта Баласан, который представляет собой секретный военный городок, в лесу находятся склады ракетно-артиллерийского вооружения центрального подчинения. По документам официально это склады устаревшего советского оружия и боеприпасов, подлежащих постепенной утилизации. На самом же деле там сосредоточены крупные запасы новейшего вооружения, в том числе и переносных зенитно-ракетных комплексов. Мне, пользуясь связями, удалось перед отъездом побывать на Баласанских складах. И я лично видел ангар с ПЗРК, там и американские «Стингеры», и советские «Иглы», и свежие современные, российские ПЗРК «Верба», по своим боевым характеристикам превосходящие и «Стингеры», и «Иглы». Комплексов немного, «американцев» около тридцати, чуть больше до шестидесяти ПЗРК «Игла», и сорок пять комплексов «Верба».

– Это примерно, если брать по минимуму, около ста тридцати ПЗРК.

– Да.

– Неплохо. С учетом погрешности при поражении целей не менее ста сбитых самолетов, вертолетов, крылатых ракет. Нам они нужны больше против самолетов. Сто сбитых самолетов – это очень серьезно. И по стоимости комплексов выходит около десяти миллионов долларов. Нормальная цена.

– Только кто, Абдулла, продаст тебе ПЗРК?

Главарь террористической группировки изобразил удивление:

– Разве я сказал, что намерен купить эти комплексы?

Еще большее удивление отразилось на физиономии Глобина:

– Не понял! Ты рассчитываешь, что Россия подарит тебе ПЗРК? Как ответ на введение США и Евросоюзом санкции против Москвы?

– Нет, конечно, на это рассчитывать глупо. Это американцы, несмотря на то что мы непримиримые враги, поставляли бы нам необходимое вооружение, объяви мы о начале боевых действий на территориях среднеазиатских стран. И глазом бы не моргнули, поставили. А Россия на это не пойдет. Москва предпочитает играть честно, от своих обязательств не отказывается и договоры исполняет. И это, кстати, еще один аргумент в пользу того, что Россию уважают на Востоке, где данное слово принято держать. Нет, Семен, как говорил вождь мирового пролетариата Владимир Ленин, мы пойдем другим путем.

– И что это за другой путь, если не секрет? – усмехнувшись, поинтересовался Глобин.

– От тебя, Семен, никаких секретов. В шестидесяти километрах отсюда на север в кишлаке Малияр развернут небольшой госпиталь Международного Красного Креста. Он функционирует около года. В госпитале лечатся по большей части гражданские лица из провинции, медперсонал там из разных стран, в том числе и из России. Три русских специалиста – хирург, анестезиолог, медицинская сестра. Госпиталь практически не охраняется, есть там десяток бельгийцев из миротворческих сил, но разве это охрана?

– Ты хочешь напасть на мирный госпиталь и похитить русских медиков?

– Почему бы и нет? Для достижения поставленной цели все средства хороши. Не помню, кому принадлежит эта очень правильная фраза.

– Эта фраза звучит по-другому, уважаемый Абдулла. А именно цель оправдывает средства.

– Э-э, Семен, какая разница, как что звучит? – поморщился Мирзади. – Главное сказано правильно в любой интерпретации.

– Ну ладно, захватишь ты хирурга, анестезиолога и медсестру. И по-твоему, Кремль, если до него дойдет информация о захвате, тут же решит обменять трех медиков на переносные зенитно-ракетные комплексы? Да еще в таком количестве?

– А мы немного подтолкнем Москву к принятию этого решения.

– Что ты еще задумал?

– Ты хочешь знать слишком много, – рассмеялся Абдулла.

– Не желаешь, не говори.

– Ну отчего? Тебе скажу. Я планирую имитацию террористического акта в одном из районных центров России.

– Имитацию?

– Да! С предупреждением, что имитация может в дальнейшем трансформироваться в реальные теракты.

– Слишком уж сложную игру ты затеял, Абдулла. Но игру без серьезных козырей. А это с ФСБ не пройдет.

– Ну, тогда мы подорвем пару-тройку объектов в России и публично казним медиков, выставив момент казни на всеобщее обозрение в Интернете. Как это уже делалось нашими братьями в Ираке. Подобные картины не только впечатляют, они вызывают страх и недовольство властью, не сумевшей спасти несчастных. Но русские, уверен, не допустят гибели своих

людей, тем более я хорошо знаю, как вести переговоры с Москвой. А то, что у меня нет козырей, ты ошибаешься. Козыри есть, но о них я говорить не буду даже тебе.

Глобин откинулся на спинку кресла.

– Ну ладно, ты волен поступать, как знаешь, меня твои дела не касаются, я хочу знать, когда ты перебросишь меня в Пакистан и обеспечишь то, о чем мы говорили. И что я оплатил той информацией, которую ты хотел получить.

Мирзади как-то странно ухмыльнулся:

– Я обещал ответить на твои вопросы, отвечаю на них: я переправлю тебя в Пакистан, в Исламабад, где в частной клинике, скажу прямо, нелегальной клинике, один очень опытный хирург, к которому на прием записываются за месяцы вперед, сделает тебе пластическую операцию. Там же ты выберешь себе новое имя. На него надежные люди оформят тебе документы, паспорт любой страны. Туда же в банк Исламабада будут переведены деньги с твоего счета, и, как только ты убедишься, что деньги переведены, можешь спокойно лететь в свою Австралию, где мечтаешь приобрести домик, где благополучно и обеспеченно встретишь старость. Но... все это только после того, как ПЗРК будут у меня.

– Что? Но, Абдулла, мы же договаривались о другом...

Мирзади, продолжая ухмыляться, покачал головой:

– Мы до этого лишь разговаривали о твоей судьбе, договариваемся мы сейчас.

– Но зачем тебе я?

– И это объясню. Ты доставил обещанную информацию, однако проблема в том, что я не могу ее проверить.

– Ты не доверяешь мне? – возмутился Глобин.

– Э-э, Семен, я иногда себе не доверяю, что уж говорить о других?

– Но ты можешь убедиться в достоверности информации за время, пока я буду находиться в клинике твоего чудо-доктора. Ведь наверняка там за мной будут смотреть?

– А где гарантия, что ты не поведешь собственную игру, оказавшись в Пакистане? Где гарантия, что не сбросишь моих людей и не исчезнешь там?

– Гарантия – деньги. Без перевода на новый счет я не только не смогу куда-то вылететь, но и прожить в Пакистане несколько суток.

– Откуда мне знать, Семен, нет ли у тебя других счетов, с которых ты спокойно сам можешь перевести деньги, если уже не сделал этого. В финансовой разведке России у меня агентов нет. И потом, что ты так забеспокоился? Ну проведешь у меня в гостях пару недель, получишь все, что захочешь, разве это причина для беспокойства?

Глобин поднялся, прошелся по кабинету.

– Хорошо. Согласен, ты страхуешься, и это, наверное, правильно, но если сделка с Москвой сорвется не по моей вине? Если информация подтвердится, а русские не пойдут на обмен своих граждан на ПЗРК, что тогда? Ты и в этом случае обвинишь меня в неудаче?

– Нет! Я же твой друг, Семен. Если сделка сорвется не из-за того, что информация окажется недостоверной, я выполню свои обязательства. Этому мое слово. К тому же мне нужен консультант. Кто, как не ты, генерал, профи в области вооружений, лучше других подходишь на эту роль?

– Я так и знал, что ты подготовишь мне сюрприз.

– И не один, Семен, – усмехнулся Мирзади. – У меня есть для тебя еще сюрприз.

– Надеюсь, не возложение обязанностей вести переговоры с Москвой?

– Нет, это мое дело. Второй сюрприз – приятный сюрприз. Думаю, он придется тебе по вкусу, и те дни, что вынужден будешь провести здесь, пролетят одним мгновением. Это я тебе гарантирую.

– Ладно. Давай уж сразу и второй сюрприз. Может, он, действительно сгладит возникшее между нами недоразумение.

– Конечно, Семен.

Мирзади трижды хлопнул в ладоши.

И тут же Рубанко, он же помощник Абдуллы, Азад Рани, ввел в кабинет пять закутанных в светлые одежды женщин разного телосложения и роста.

– Наложницы? – спросил Глобин.

– Какая разница, Семен? Можешь выбрать себе любую, можешь выбрать нескольких, можешь забрать всех, если справишься, конечно.

– И как я могу выбрать, если они упакованы, как куклы в магазине? Даже лиц не видно, не говоря уже о фигурах?

– Это не проблема, друг.

Мирзади щелкнул пальцами, и женщины одновременно сбросили с себя балахоны.

– О! – не удержался Глобин. – Да здесь цветы, не уступающие твои розам в саду, Абдулла.

Генерал поднялся, обошел девушек и вытолкнул вперед самую невысокую и еще до конца не оформившуюся девочку:

– Пожалуй, я возьму вот эту.

– Шаисту? Хороший выбор, учитывая, что ей всего двенадцать лет. Шаиста умница. Несмотря на свою молодость, очень способная девушка.

Четыре наложницы ушли, а Шаиста осталась и села на корточки в углу кабинета.

– Я позову Рани, он отведет тебя с Шаистой в твои комнаты. Туда же доставят все, что запросишь. Там и туалет, и душевая. Все, как ты привык, – сказал Мирзади.

– Это хорошо, Абдулла, но у меня к тебе одна просьба.

– Слушаю тебя, друг мой.

– Я знаю, что у вас запрещено спиртное и сигареты, но я не могу без них, мы можем этот вопрос решить или он закрыт безоговорочно?

– Ну отчего же? Употребление спиртного и сигарет запрещено истинным правоверным, ты таковым не являешься, поэтому можешь и пить, и курить. Но... в меру и лучше не афишируя это, в своих комнатах.

– Ну, тогда мы пошли?

– Приятных тебе ощущений, друг.

– Спасибо, друг. – Слово «друг» Глобин произнес многозначительно, но Мирзади сделал вид, что не понял его. Он со зловещей ухмылкой проводил бывшего генерала и молодую наложницу, проговорив ему вслед:

– Ступай, друг, отдыхай, пока отдыхается.

Бывшего начальника с девушкой в приемной ждал Рубанко.

– Ну, как разговор с Абдуллой, Семен Павлович, ты доволен?

– Очень доволен, Леша. Если бы я знал, что твой хозяин поведет себя так, то обошелся бы без вашего вонючего Афганистана. Но я поверил тебе.

– Что-то не так, Семен Павлович?

– Все не так, но что теперь об этом? Где мои комнаты?

– Пойдем, покажу. Хорошие комнаты, меблированы в восточном стиле, но удобные, прохладные, оборудованные системой автоматического охлаждения, спутниковым телевидением, другой экстренной техникой. Там же просторный туалет, душевая кабина. Все готово для приема гостей. Я проверял.

– Ладно, води.

Глава вторая

Оставшись один, Мирзади вызвал к себе командира боевой группы, которую всегда держал при себе. Ее бойцы проживали в Кандараме, имели опыт боевых действий, и на всех главарь террористической организации мог положиться.

Валид Самар прибыл тут же, он находился на территории.

– Да, господин Мирзади, – учтиво поклонился он, входя в комнату.

– Тебе, Валид, известен наш план относительно госпиталя в Малияре?

– Да, саиб.

– Нам надо знать, что происходит в селении, в госпитале, около него, как несет службу охрана, определить направление главного удара, так, чтобы захватить русских медиков. За ними необходим особый контроль. Посему завтра с утра тебе следует послать к Малияру двоих наблюдателей. Они должны смотреть за кишлаком и госпиталем, постоянно по связи докладывая тебе обстановку.

– Я понял вас, саиб! – кивнул Самар. – Завтра утром наблюдатели будут в районе Малияра.

– Брось их туда машиной, которая должна вернуться.

– Да, саиб.

– Акция, предварительно, в воскресенье в 3.00. Нам предпочтительней было бы провести захват госпиталя в 11.30, но днем это сделать гораздо сложнее, поэтому группа должна находиться в полной готовности с 3.00, рассредоточившись у госпиталя. Порядок действий определишь сам. Ты опытный воин, решишь, как захватить русских. Группе взять внедорожники.

– Я все понял.

– Это хорошо. Запомни, мне плевать, что будет с другим медперсоналом, с охраной, с пациентами госпиталя, да и с самим госпиталем. Главное, чтобы трое русских были у меня и чтобы ничто не указывало на то, что именно мои люди произвели похищение.

– Мы переоденемся в одежду племени хату. Пусть американцы попробуют достать их в горах.

– Но зачем хату заложники? Они мирное племя.

– Все мы когда-то были мирными, пока враг не пришел на нашу землю, – философски заметил Самар. – И потом, я слышал, что во главе племени сейчас встал молодой хатуит, до этого тесно сотрудничавший с людьми Омара. Уверен, американцам это известно.

– Хорошо. Пусть будет так, но где ты возьмешь одежду хатуитов, у них рубахи отличаются от наших.

– Этих рубах, саиб, полно на базаре Кандарамы, как и черных атласных поясов, которыми они подпоясывают белоснежные рубахи. И вообще, их одежда мало отличается от одежды белуджей. Все, что надо, мы найдем, не беспокойтесь.

– Тогда тебе нужны деньги.

– Э-э, саиб, у меня есть, на что купить одежду. Я не бедный человек благодаря вам.

Последние слова польстили Мирзади. В Афганистане распространена лесть, и в этом никто не видит ничего особенного, ибо принимает ее за выражение почтительного отношения к людям, стоящим выше по социальной лестнице.

– Хорошо, Валид. Думаю, ты уже определился, кого пошлешь к Малияру.

– Да. К госпиталю пойдут Ихаб Шани и Шад Тарак.

– В группе есть француз и русский.

– Если быть точным, то француз и украинец.

– Не велика разница. Как думаешь, их следует брать на операцию?

– Они такие же бойцы, как и остальные. И доказали приверженность нашему святому делу. К тому же какой Худайназар украинец, если он двадцать семь лет служит у нас. Он, наверное, свою родную фамилию, Назаренко, забыл уже. У него семья, две жены, трое детей, хороший дом, достаток. И он у нас палач, должность особая. Француз же служит за деньги. Наемник. Ему все равно, за кого и против кого воевать, лишь бы платили. Вы платите более чем достаточно.

– Ну, смотри, это твои люди, и ты несешь за них личную ответственность.

– Конечно, сайб!

– Можешь идти! О том, что наблюдатели заняли посты, доклад мне.

– Да!

– Ступай!

– Слушаюсь.

Слегка кланяясь и пятясь, командир боевой группы Абдуллы Мирзади покинул кабинет.

Главарь банды включил спутниковую станцию. Дождался, пока индикаторы известили о соединении с разведывательным спутником Пакистана, снял трубку, выставил антенну, набрал длинный номер.

– Рустам на связи! – ответил мужской голос.

– Абдулла, приветствую тебя!

– Добрый вечер.

– Ты готов к доставке груза в нужный пункт?

– Готов.

– Тогда запоминай, в субботу вечером с 20.00 до 21.00 по московскому времени ты должен быть на пустыре сразу за поселком Борск, там, где новая свалка. Это...

Рустам Гамсадзе, один из боевиков Мирзади в России, прервал хозяина:

– Я знаю, где это место.

– Хорошо, а вот перебивать старшего плохо.

– Извините.

– Груз передашь Назару.

– Я все понял.

– Прихвати на всякий случай пару пакетиков «дури».

– Прихвачу.

– Как передашь груз, уходишь в Москву. Там ждать связи со мной. И поаккуратнее на дороге, не надо попадать в поле зрения местной дорожной полиции.

– Конечно, господин!

– Вопросы ко мне есть?

– В Москве машина с региональными номерами будет заметна, даже на стоянке.

– Избавься от машины где-нибудь на подъезде к Москве. А впрочем, можешь ее бросить и в городе, только уничтожь номера и свои следы.

– Понял. Вопросов нет.

– Еще раз требую предельной осторожности.

– Я осторожен.

– Удачи, Рустам. До связи!

– До связи!

Гамсадзе отключился.

Мирзади набрал другой длинный номер. По нему ответили не сразу, только с третьего вызова, и ответил голос явно подвыпившего мужчины:

– Алло! Слушаю вас, господин Мирзади.

Главарь банды узнал голос старшего диверсионной группы Виктора Назарова.

– Почему не отвечал долго, Назар?

– Так мы тут вечеринку устроили небольшую, у Людки день рождения, – ответил Виктор и, рассмеявшись, добавил: – Последний день рождения. А она, дура, и не знает об этом.

– Ты пьян, Назар.

– Ну что вы. Выпили немного, признаю, но чтобы пьян, ни-ни, я же на работе.

– Значит, гуляете?

– По поводу. Здесь Россия-матушка, здесь можно.

– А как, Назар, насчет того, чтобы лишиться половины вознаграждения?

– За что, саиб?

– За нарушение инструкции.

– Но мы же все равно бездельничаем.

– Где хозяин дома, в котором вы остановились?

– С нами, где ж ему быть?

– Ты в состоянии воспринимать мои слова?

– Конечно. Выпили-то всего ничего.

– Тогда слушай и запоминай. Хотя нет, сейчас о деле говорить не будем. Сейчас я приказываю прекратить гулянку и спать! Всем. Позвоню завтра утром. Ты хорошо понял меня?

– Да, саиб. Прекращаем гулянку, ложимся спать, вот только Людок вряд ли уснет, она недавно ширнулась. Не до сна ей, у нее сейчас самый кайф.

– Будет вам кайф, если попадете в руки полиции.

– Не-е, это исключено. Мы в таком захолустье, что менты здесь и не показываются. Бомжи на пустыре есть, а вот ментов нет.

– Бездомные и нищие могут быть агентами полиции.

– Но только не в России, хозяин!

– Тем не менее гулянку прекратить, как ты справишься с Людмилой, твое дело, хоть тащи ее в постель и ублажай до утра, но чтобы в доме была тишина. Понял меня?

– Понял, саиб.

– Учти, я пришлю Рустама, проверить!

– Да все, все, саиб. Можно сказать, гулянка закончилась.

– Утром быть на связи. И отвечать сразу же!

– Слушаюсь.

– До связи.

Мирзади отключил трубку, спутниковую станцию перевел в режим приема и откинулся на спинку кресла. Он был раздражен. Назар, он же Виктор Назаров, по отцу туркмен, по матери русский, совсем потерял страх. Пара удачных акций по нападению на полицейские патрули на Кавказе и суммы, поступившие за них на его счет, видимо, вскружили голову. Гаврик, Степан Гавриленко, тоже обнаглел, глядя на Назара. Вместо того чтобы сидеть тихо, пьянствует. Так они и себя спалят, и Рустама. И получит российская служба безопасности след, по которому несложно выйти на него, Мирзади. А это ему не надо. Мало того что сами устроили гулянку, так еще поят хозяина дома. Да, он алкоголик, но такой и был нужен. Большой алкоголизмом хозяин неприметного дома на окраине Борска. Алкоголику, как и наркоману, что надо? Стакан или доза. И они в твоих руках. А Назар устроил шабаш. Федора-алкоголика, хозяина дома, Гаврик уберет, но где гарантия, что он уже не рассказал своим товарищам-собутыльникам о постояльцах? Или, что еще хуже, не показал их? Такой гарантии нет. И что делать? С одной стороны, у организации людей в России можно по пальцам пересчитать, с другой – с такими, как Назаров и Гавриленко, работать нельзя. Рано или поздно они попадут в руки безопасности, и тогда жди крупных неприятностей. Этих двух завербовал Рустам. Он же подготовил Людмилу. Сначала они работали хорошо, а потом расслабились. Ну, о Людмиле речи нет, а вот Назар с Гавриком? По ним надо принимать решение.

И главарь террористической организации принял его.

Он вновь воспользовался спутниковой станцией, вызвав Гамсадзе.

Тот ответил сразу, и в голосе его слышалось удивление:

– Да?

– Считаю, что Назар и Гаврик не могут работать после акции в воскресенье. И не перебивай, знаю, что спросишь. Сейчас эти двое с девкой и хозяином дома пьют водку. Людмила под наркотой. Я же предупреждал, чтобы вели себя тихо, а они нарушили приказ.

– Мне поехать к ним, успокоить?

– Нет, я говорил с Назаром. Думаю, сейчас они успокоятся сами, а вот в дальнейшем на таких людей полагаться нельзя. Ты согласен со мной?

– Согласен, господин!

– Следовательно, в субботу работаешь по плану. При встрече передашь, чтобы, отработав задачу и хозяина дома, Назар с Гавриком ждали тебя где-нибудь недалеко от райцентра. Лучше в лесу. Тебе придется задержаться в Борске.

– Понял!

– Хорошо. После решения задачи Назаром и Гавриком уберешь их. Предвосхищая свой вопрос, скажу, за дополнительную работу на твой счет будет переведено двести тысяч долларов. Но все должно пройти четко и чисто. Как понял меня, Рустам?

– Я все понял. Приказ выполняю.

– Я знал, что тебе можно доверять. Однако не забывай, что Назар и Гаврик – твой прокол. В следующий раз при подборе людей будь более придирчив и осмотрителен.

– Они же начали неплохо.

– Согласен. Но допустили неповиновение, а посему закончат плохо. Уточнение задачи в субботу после передачи груза. Позвонишь. У меня все!

– До связи, Абдулла!

– Давай, Рустам. Удачи, до связи.

Переговорив с Мирзади, Назаров сплунул на пол отдельной комнаты, в которой он обитал вместе с Гавриленко и в которой в кейсе находилась спутниковая станция.

– Твою мать, черта нерусского! И надо было тебе сейчас позвонить? Гаврик, ладно, тот успокоится, а вот Людку и Федьку спать не заставишь. Нет, у Абдуллы чутье на «косяки». Вчера все трезвые были, он не позвонил, позавчера тоже, сегодня, стоило выпить, и на тебе, звонок. Еще завтра с ним базарить.

Он упаковал станцию, положил брелок часов, на который приходил радиосигнал вызова спутниковой станции, закурил сигарету. На пороге комнаты показалась «уколотая» героином девица. Нестерова Людмила, или Людок, как ее чаще называли, двадцатишестилетняя проститутка с десятилетним стажем, подогнанная Рустамом Гамсадзе в качестве куклы.

– Ну ты что застрял здесь, Витюша?

– А тебе что сказано было? – усмехнулся Назаров.

– Вообще-то я сегодня хотела провести ночь с тобой.

– Да ты что? С чего это вдруг?

– Природа требует, Витя, куда от нее?

– А может, наркота?

– Ну и наркота в какой-то степени.

Назаров подумал, что это какой-никакой, все-таки выход. По крайней мере, кукла будет в постели. Федьку же уложить несложно.

– Отлично, девочка, вали в ванную, хорошенько помойся и в постель.

– Подожди, Витя. Посидим еще. Там Федька Синяк байки травит, обхохочешься.

– Ладно, пойдем, – подумав, согласился Назар и вывел Людмилу в большую комнату, где на диване развалился Гавриленко, за столом, что-то рассказывая, курил хозяин дома Федор Алтунин.

Назаров демонстративно посмотрел на часы и твердо проговорил:

– Так! Допиваем, что осталось, и отбой!

– Чего отбой-то? – воскликнул Федор. – Я к соседке слетаю, еще бухла принесу. Хорошо же сидим. Вы уедете, с кем я так душевно посижу?

– Сказал, хватит! – Назар был категоричен. – Разливай по последней, Федька. Приберешься утром.

Федор разлил водку. Выпили, закусили, выкурили по сигарете, и Федька вышел во двор. А Виктор отвел Гавриленко в сторону и сказал:

– Ты, Степа, гляди за ним. Выпускать из хаты нельзя!

– Лады. Че Абдулла сказал-то?

– Ничего, пронюхал, что я поддатый, сказал, что завтра перезвонит.

– Значит, скоро дело. Да быстрее бы уже, надоело в этой вонючей хате сидеть.

– Ты прикинь, как Синяка кончать будешь.

– А чего прикидывать? Сверну шею, и все дела.

– Нет, Степа, надо сделать так, чтобы под несчастный случай прокатило.

– Ну, тогда Федька по пьянке поскользнется и ударится виском о край стола.

– Это другое дело. Ладно я пошел в спальню, утром после разговора с Абдуллой побазарим.

– Ты ему напomini, чтобы «бабло» вовремя на счета бросил.

– Если он завтра не урежет долю.

– Урежет, пусть сам работает.

– Мне ему так и сказать?

– А что?

– А то! Долго ли мы проживем после этого?

– Что, у Абдуллы в каждом поселке свои люди есть?

– Насчет каждого не знаю, но здесь есть, ты забыл о Рустаме?

– Черт, действительно, этот грузин – мутный тип.

– Ладно, Гаврик, будем живы, не помрем.

– А будем живы?

– Не знаю, как ты, а лично я подыхать не собираюсь. Сейчас не собираюсь.

– Можно подумать, я собираюсь.

– Федька возвращается. Смотри, он на тебе, я пошел! До завтра!

Гавриленко дождался, пока не уснет Федька, и лег в зале, чтобы тот не мог незаметно выйти из своей комнаты. Комнаты в доме были небольшими, выходить, конечно, можно, но не бесшумно. Бесшумно, как ни старайся, не получится. А Гавриленко даже пьяный спал чутко...

Назаров проснулся рано, чуть ли не в шесть часов. От вчерашнего выпитого болела голова. Он вышел во двор, принял холодный душ. Вода освежила его, молоточки перестали бить по вискам. Затем присел на скамейку под старым кленом. День сегодня обещал быть жарким. Он подумал: только май, а уже так жарко.

На крыльцо вдруг вывалился Федор, за ним, словно тень, появился Гавриленко. У хозяина дома глаза представляли собой узкие щелки, волосы взъерошены.

– Доброе утро, Федька, – усмехнулся Назаров.

– Смеешься, что ли? Какое оно, к черту, доброе? Шарaban раскалывается, сил нет, мутит, вывернет, если не похмелиться. А твой корешок, Степан, не дает.

– Дай ему, Степа, выпить. А то, не ровен час, вместе с желчью желчный пузырь выплюнет, – распорядился Назаров.

- Во, а я о чем? – повернулся Федор к Гавриленко.
- Умойся сначала, чудик, – ответил тот.
- Пошли, болезный, – вздохнул Гавриленко и подтолкнул Федора обратно в дом. Вскоре они вернулись. Федор заметно оживился:
- Во, другое дело. Человеком себя почувствовал. Водка чудеса творит, она тебя и на дно бросает, и наверх поднимает. Главное, чтобы всегда под рукой была.
- Иди в душ, – приказал Назаров, – да приведи себя в порядок, побрейся, помойся.
- Так вода ж там еще не нагрелась.
- Ступай, Федька, а то кран перекрою.
- Садисты вы, – пробурчал хозяин дома, но в душ пошел.
- Как только он скрылся за дверью, Назаров поднялся:
- Ты, Степа, гляди за ним.
- А я чего делаю? Это тебе ништяк, ловишь кайф с Людкой, а мне за этим глумомордым смотреть.
- Дело сделаем, «бабки» получим, и на отстой. Тогда расслабишься.
- Слушай, Назар, а может, получив «бабло» да уделав Федьку, рванем куда-нибудь подальше?
- Кто нас за границу выпустит, Степа?
- А на хрена за границу? В Сибирь уедем. На Енисей. Там местечко подберем, затаримся продуктами и к деревне какой примкнемся.
- Надолго нам бабок Абдуллы хватит?
- Если не особо шиковать, надолго.
- Ты чего-то боишься?
- Не боюсь, Витя, но стремно как-то. С этим Абдуллой точняк залетим. Если не сами, то он избавиться от нас.
- Зачем ему это?
- А хрен его знает? Духам доверять нельзя, продадут в момент.
- Кому? Ментовке?
- Бери выше, ФСБ.
- Он не идиот, чтобы сдавать нас, мы же и его сольем.
- И че? Ну сольем. Он где? В Афгане, его не достать, а нас до конца дней в клетку закроют.
- Не дрейфь, Степа. Все будет нормально.
- И откуда такая уверенность?
- Мы еще нужны Абдулле. А пока нужны, он нас не тронет, а будет платить. Когда наберем приличную сумму да переведем ее на другие счета, тогда можно будет подумать, как спрыгнуть с паровоза.
- О Рустаме не думал? Так он и даст набить «бабла» да свалить. Только сунемся переводить деньги на другие счета, грузин нас обоих и порешит.
- Это поглядим еще, кто кого порешит, – зловеще ухмыльнулся Назаров.
- Рустам хитрый, его просто так не возьмешь.
- Я же сказал, Степа, все будет нормально. Пока работаем на Абдуллу.
- Ну, гляди, я, конечно, с тобой, тока не пропасть бы.
- Не пропадем. Ты Федора, как выйдет, в дом заведи и никого оттуда не выпускай.
- А если Людка в сортир захочет?
- Она до обеда спать будет, я ей под утро дозу дал.
- Не загнется?
- Не-е. Я знаю, сколько давать.
- Сам с Абдуллой базарить будешь?
- Догадливый.

- Здесь опасно, Витя, шел бы в сад.
- Ты своим делом занимайся.
- Ладно.

Федька вышел из душевой:

- Эх, ну и холодная вода, вмиг похмелку из башки выгнало, опять мутит.
- Иди в хату, – сказал Назаров, – Степан нальет. – Он кивнул Гавриленко, а тот, взяв

Федора за руку, отвел его в дом.

Виктор посмотрел на часы. 7.20. Когда позвонит Абдулла?

Сейчас в Афгане на час-полтора больше, это значит – двадцать минут девятого или почти десять. Сказал, что утром позвонит. Пора бы.

Мирзади словно услышал его.

Спутниковая система «SP Кон», переданная ему Гамсадзе, сработала сигналом вызова, вернее, сигнал прошел по браслету часов. Назаров открыл кейс, включил нужный режим, дождался свечения всех индикаторов, поднял автономную трубку с «пальцем»-антенной:

- На связи!
- Привет, Назар!
- Салам, хозяин!
- Трезв?
- Как стекло!
- Ночь прошла спокойно?
- Как на кладбище.
- Плохое сравнение. Ты вчера огорчил меня, Назар.
- Извините, хозяин, так получилось. Но я все исправил.
- Хорошо, я готов забыть о вчерашнем инциденте, но впредь чтобы ни капли спиртного.
- Конечно, хозяин!
- Хоп. Слушай меня внимательно. Завтра на пустырь недалеко от вашей хаты Рустам

привезет груз. Примешь его лично.

- Когда по времени это будет?
- С 8 до 9 вечера.
- Понял.
- Акция в воскресенье в 10.00. Место – строящийся гипермаркет.
- Стройка? – удивился Назаров.
- Да.
- Но там в воскресенье никого не будет.
- Не надо обсуждать мои приказы. Я не хуже тебя знаю, где будет народ, а где нет. Мне

нужен этот строящийся объект, неужели это трудно запомнить?

- Хоп, хозяин. Как скажете.
- Это лучше. Скажи мне, как кукла?
- А че, кукла? Наркоманит потихоньку.
- Она ничего не подозревает?
- Не до этого. И потом, что она может подозревать? Что ее пошлют на смерть?
- Хотя бы это.
- Не-е, об этом Людка не думает.
- Ты читаешь ее мысли?
- А чего их читать, они все на виду.

– Хорошо. Подрыв в самом центре гипермаркета. Поэтому найди место, откуда сможешь контролировать вход и привести в действие взрывное устройство.

- Найду! Взрывчатки-то небось много будет?
- Почему ты об этом спросил?

– Людок пойдет под «наркотой», много не утащит.

– Не беспокойся, груз очень мощный, но компактный. Твоей Людке придется нести всего пару килограммов.

– Это нормально. Мне одному с ней выезжать на объект?

– Машиной хозяина дома долго пользоваться опасно. Поэтому с вами в воскресенье будет работать Рустам, – после непродолжительной паузы произнес Мирзади. – Ты выведешь заряженную куклу из дома, дождешься Гаврика, который решит вопрос с местным пьяницей. Дальше едете к объекту, запускаете куклу. После подрыва бросаете машину Алтунина, в город вас доставит Рустам. Да, так будет надежно и безопасно. Квартира в городе готова, там пробудете несколько суток. Потом в Москву.

– А как насчет денег, хозяин?

– Получите на счета в тот же день, как проведете акцию. Подтверждение получите уже вечером на квартире в Переславле.

– Спасибо, хозяин!

– Рано благодаришь, Назар, тебе еще надо дело сделать. Все. Связь после поступления груза.

– Так вам наверняка Рустам доложит.

– Ты плохо понял меня?

– А?! Догадываюсь, желаете убедиться, что мы не пьем?

– До связи, Назар!

– Всего хорошего, хозяин!

Отключив станцию и закрыв кейс, Виктор сплунул в траву – тоже мне, хозяин, словно мы рабы какие или крестьяне, таких хозяев в свое время на фонарных столбах вешали – и задумался. Не нравилось ему, что с момента подрыва, даже еще раньше, с момента ликвидации Федора, их должен контролировать Рустам Гамсадзе. И не только контролировать, но и вывезти в областной центр, хотя раньше было обговорено, что он с Гавриком сразу поедут в Москву на «копейке» Федора, по его доверенности. Странно как-то вел себя Мирзади. А он, не обдумав все дополнительно, решений даже по мелочам не принимает. Вопрос, что он задумал? Почему вместо Москвы Переславль? Почему в сопровождении Рустама? Неспроста это. Паниковать, конечно, повода нет, но и расслабляться нельзя. А в воскресенье и подстраховаться не помешает. Не в нарды играть предстоит. Возможно, кое-что удастся понять во время встречи с грузином. А до нее более суток. Надо еще раз все хорошенько обдумать, и без Гаврика, потому как, если что, его придется бросать. Как говорится, своя рубаха ближе к телу...

Глава третья

С утра Назаров не жалел водки для Федора, тот даже удивился:

– А чего это ты нынче наливаешь так, Витя?

– А то, Федя, что завтра мы расстанемся, вот и хочу отблагодарить тебя за все хорошее.

– погоди, это что ж получается, завтра съезжаете?

– Да.

– А расчет когда? Водка не в счет, сразу говорю.

– Само собой. Пойло – подарок, а бабки свои получишь с утра.

– Как и договаривались, сто «штук»?

– Все сто «штук». Или ты предпочитаешь в валюте?

– На хрена она мне нужна, валюта твоя, бегай по обменникам, меняй. Да еще обманут, или менты привяжутся, откуда доллары или евро взял. Не-е, мне рублями и наличкой.

– Правильно, Федя, а сегодня гуляй, но гляди, выйдешь со двора, сразу половину бабок потеряешь.

– А чего мне со двора идти, когда на хате все есть, что надо, и пойло, и закуска, – усмехнулся Алтунин.

– И это правильно.

Оставив Федора в доме, Назаров кивнул Гавриленко и Нестеровой, чтобы вышли в сад.

– Что за дела, Витя? – спросил Гавриленко. – С чего ты вдруг решил упоить Федьку?

– Слушайте меня и не перебивайте. Завтра работаем. Задача перед нами такая. Сегодня Рустам привезет какой-то груз, его завтра надо передать одному местному мужику и вместе с Рустамом свалить в Переславль.

– Я что-то не въезжаю, мы сидели тут для того, чтобы передать какому-то мужику груз? – подала голос Людмила.

– Да.

– А Рустам это сделать не мог?

– Не задавай глупых вопросов. Груз местному мужику должна передать ты.

– Я? – удивилась Людок. – С чегой-то?

– С того-то, что баба не так бросается в глаза. И это решение, которое не обсуждается.

– Ты хочешь нагрузить меня, как ослицу, своим грузом? Учти, я тяжелее фужера давно ничего не поднимала.

– Груз – громко сказано, скорее всего, это будет пакет или бандероль максимум килограмма два. Уж два килограмма ты дотащишь?

– И где я должна передать этот груз местному мужику? – подозрительно прищурила глаза Нестерова.

– В строящемся гипермаркете. Слыхала о таком?

– Слыхала?! Да его стены издали видны. Только что-то не видать, чтобы там строили.

– Какая тебе разница?

– Никакой, но я должна знать, что будет в пакете, бандероли или во что там Рустам упакует груз.

– А вот этого делать нельзя.

– Да? А если в пакете будет взрывчатка и вы решили подорвать меня вместе с ней?

– Ты мозги-то включи, Людок, – вздохнул Назаров. – На какой хрен взрывать тебя в пустом строящемся гипермаркете, где, кроме пары-тройки бомжей, никого нет. Если подрывать тебя, то уж где-нибудь на рынке или в супермаркете. А в гипермаркете какой толк? И потом, откуда у тебя такие мысли? Теракты, чтобы ты знала, девочка, так не готовятся, и таких, как ты и Федька, для подрыва не привлекают. По-серьезному работают профи.

- Не нравится мне все это.
- Можешь отказаться. Собирай шмотки и вали отсюда. Я сам все сделаю и заберу твою долю, а ты вали на трассу, лови дальнобойщиков. Они тебе и «дурь» дадут, и бабки, и трахнут по полной.
- Ладно, ладно! Не кипятись. Свалю, когда получу деньги, – пошла на попятную Людмила.
- Для того чтобы их получить, надо передать груз.
- Ну и передам, невелика тяжесть.
- Вот так-то лучше. Приходи в себя, а то морда вся сморщилась, как у старухи, и начинай уборку всего дома.
- Какую уборку? Федька после уберет, – возмутилась она.
- Назаров взял ее за шею, притянул к себе:
- Если я сказал делать уборку, это значит, что ты должна вылизать весь дом. И мне плевать, что тебе это запаadlo.
- Но зачем уборка, Витя?
- Чтобы следов наших здесь не осталось. Или ты думаешь, Федька будет молчать, что мы жили у него?
- Ну и расскажет, что такого?
- А то, что мы со Степой в розыске.
- И менты сразу же кинутся снимать отпечатки в хате Федьки, если до них дойдет слух, что тут проживали какие-то мужчины и баба?
- А ты еще можешь мыслить логично, не удавил тебя героин, – усмехнулся Назаров, отпуская ее.
- О себе думай!
- Ты все поняла?
- Да!
- Иди, принимайся за работу.
- Когда Людмила ушла, Гавриленко зашептал:
- Чует, сука, что ей грозит опасность.
- Да хрен с ней, с ее чутьем. Главное, чтобы она пошла на объект, а она пойдет. Из-за наркоты пойдет, да мы ей с утра дадим еще приличную дозу.
- Что сами делать будем?
- Порядок на завтра такой, Степа. Я выведу из хаты Людку, ты кончишь Федора. Но... никаких ножей, удавок. С утра напоим его, вот и возьмешь долбанешь виском об угол стола. Несчастный случай. Перебрал мужик, потерял равновесие и херакнулся о стол. После уберешь свои и наши следы и выйдешь к машине. Поедем к объекту переулками, чтобы не засветиться, уходить будем на северо-восток к лесу, где протекает речка Бора. Там нас будет ждать Рустам. Вывезет в Переславль. Отсидимся в областном центре, и в Москву.
- А зачем в лес, Витя? Можно бросить тачку в поселке и уехать с Рустамом.
- Хочешь, чтобы нас остановили на посту ДПС? В райцентре гаишники ни хрена не делают, их и не видать практически, но на постах они службу бдят. Конечно, шансы проскочить пост высокие, но могут и остановить. И тогда хрен его знает, как все обернется.
- А ехать в лес на тачке Федора безопасно?
- Да там пройти два переулка, выйти в поле, по грунтовке с километр, и лес. Или ты боишься Рустама?
- Я никого, Витя, не боюсь, – набычился Гавриленко, – но... разве Абдулла не мог приказать грузину избавиться от нас?
- А зачем, Степа? Если чисто сработаем.
- Кто его знает, но мне как-то стремно.

– Это похмелье. И потом, Рустам один, нас двое, мы не пацаны вчерашние, если что, то и сами его завалим.

– Ну, тогда надо быть внимательными и смотреть за ним.

– Посмотрим. Но если бы Абдулла хотел нас убрать сейчас, то приказал бы Рустаму сделать это у объекта. Наверняка грузин будет контролировать подрыв. А значит, находиться где-то рядом. А еще проще завалить нас ночью на хате, вместе с Федькой и Людкой.

– Кто же тогда доставит взрывчатку в гипермаркет?

– Он и доставит, какие проблемы? Пронести пару килограммов тротила на стройку? Это тебе не на рынок, что тоже, впрочем, несложно, и не в кинотеатр. Стройка заморожена, не охраняется. Днем бомжей там нет, они все в поселке, пропитание да сивуху промышляют. Пацанва там не лазает. А вот на хате всех нас положить проще простого. Объявить совещание и во время разговора перещелкать всех из ствола с глушителем. Нет, Степа, мы еще нужны Абдулле. Пока нужны. Но это не говорит, что нам не придется «делать ноги». Получим бабки и ломанемся из центра.

– Ладно, – почесал затылок Гавриленко, – наверное, ты прав, а хреновые предчувствия от похмелья. Выпить, что ли?

– Если только граммов сто, не больше.

– Я так не могу. Где сто, там и двести, где двести, там и пузырь.

– Тогда не пей, к вечеру станет лучше, а к утру будешь как огурчик. Все, идем в хату. Проследи, чтобы Федор нажрался в хлам, завтра легче завалить будет.

Осмотревшись и не заметив ничего подозрительного, бандиты вернулись в дом. Федька действительно уже отрубился и спал, свернувшись калачиком на печке. Людмила, матеря все и вся, мыла полы. Правда, при появлении мужчин сразу замолчала.

Без пятнадцати восемь Назаров прошел садами на пустырь. Встал недалеко от ограды у большой кучи строительного мусора и извилистой дороги. Закурил.

Он выкурил три сигареты, когда из-за поворота дальнего проулка появилась белая «Нива». Назаров посмотрел на часы. 20.20. Рустам уложился в отведенный промежуток. Спусти две минуты «Нива» остановилась и из машины вышел Гамсадзе:

– Привет, Назар!

– Привет, Рустам. Привез груз?

– Конечно.

– Ну, давай!

– Ты сначала расскажи, как дела на хате.

– А че на хате? На хате все тихо. Людка убирается, протирает все, полы вымыла, Федька спит как убитый, его бы сейчас грохнуть.

– Рано!

– Потому и спит.

– Степан?

– Степа на стреме, заодно «пасет» Людку. Короче, все нормально.

– «Копейку» Федьки проверяли?

– Еще вчера. Развалюха развалюхой, а завелась с полоборота, и движок пашет, как часы.

– Главное, как поведет себя в движении.

– Да пробовали туда-сюда по двору, даже коробка не скрипит. Следил за тачкой покойный пахан Федьки.

– Доверенность сделали?

– А чего ее делать? Завра напишу, бланк есть. А вот страховки нет.

– Ерунда. Вероятность того, что вас в райцентре остановит полиция, ничтожно мала, гаишников в Борске можно по пальцам пересчитать, людей не хватает высылать на аварии. Проедете, а на проселочных дорогах ментов вообще нет.

- Ладно, проедем. Где конкретно встретимся в лесу? – поинтересовался Виктор.
- Там, где дорога подходит к обрыву реки.
- Ты уже будешь ждать нас?
- Должен, но могу задержаться.
- Что, Абдулла приказал контролировать нас? – усмехнулся Назаров.
- Не говори глупостей, мне тоже зачищаться за собой надо.
- Взрывчатка с детонатором?
- Очень умный вопрос, Назар. Конечно. Тебе достаточно нажать на кнопку пульта, и произойдет взрыв. Кстати, пульт. – Гамсадзе передал Назарову брелок, внешне очень похожий на автомобильный. – Перед применением не забудь выставить антенну.
- На каком расстоянии я могу использовать пульт?
- От детонатора в радиусе километра, но ты должен «пасти» Нестерову и подорвать ее, когда она войдет в центральный зал.
- Не понимаю, на хрена взрывать никому не нужный объект?
- Это решать не нам. По Федору как, определились?
- Конечно. Его «мочканет» Гаврик... и сделает это так, что будет выглядеть несчастным случаем, ты об этом хотел предупредить?
- Зачем предупреждать, если ты все сам знаешь.
- Кроме одного, когда деньги будут переведены на наши с Гавриком счета.
- Узнаешь в Переславле.
- Да, насчет Переславля, ты не в курсе, какого черта Абдулла решил устроить нам там отстой, а не в Москве?
- У тебя есть с ним связь, вот и спроси. Я не знаю.
- Хоп, Рустам. Давай груз.
- Гамсадзе прошел к машине, достал из-под заднего сиденья пакет, завернутый в черный целлофан и крепко запаянный.
- Держи.
- Тут и двух килограммов не будет, – забирая пакет, заметил Назаров.
- Как раз, чтобы не тяжело для девицы. Ты должен обеспечить, чтобы она не попыталась вскрыть пакет, иначе все взлетит на воздух. Кроме детонатора там стоит и самоликвидатор.
- А он на хрена?
- Чтобы любопытной Варваре нос оторвало.
- Все?
- Все!
- Тогда пошел я!
- Удачи вам, Назар.
- Тебе того же.
- Не забудь, участок леса у обрыва.
- Спокойной ночи.
- Гамсадзе подмигнул Назарову, сел в «Ниву», развернул автомобиль и поехал обратно к переулку. Выкурив еще сигарету, Назаров прошел через сад в дом, закрылся в своей комнате, достал спутниковую станцию, привел ее в рабочее состояние, набрал номер.
- Слушаю тебя! – сразу ответил Мирзади.
- Груз получил.
- Хорошо. Порядок работы остается прежний. Главное – подготовка бабы, ей особое внимание.
- Да.
- Рустам передал тебе «дурь»?
- Нет, у меня осталось полтора пакета, этого хватит.

– Хорошо. Связь со мной завтра после акции из места встречи с Рустамом.
– Понял!
– В Переславле получите подтверждение перевода денег.
– Хорошо, благодарю.
– Рано благодарить, Назар, дело надо сначала сделать.
– Сделаем, куда ж мы денемся.
– До связи.
– Один вопрос, Абдулла.
– Если один, то давай!
– Рустам будет нас контролировать?
– Я ему такой задачи не ставил.
– Я к чему спросил, если он вдруг...
– Я же сказал, задачи следить за вами Рустам не имеет, – прервал Назарова Мирзади, – а значит, не будет этого делать. Ответ понятен?

– Да.
– Все!

Мирзади отключился. Выключил станцию и Назаров. Теперь она понадобится только в лесу. Если грузин не попытается «замочить» всех. Но не должен. Сейчас, по крайней мере. А получив деньги и уйдя в Москву... Абдулла потеряет двух своих агентов. И грузина привлекать не надо.

В дверь неожиданно постучали.

– Кто?
– Я! – раздался голос Людмилы.
– Входи.

Назаров открыл дверь, проститутка в растрепанных чувствах вошла в комнату со словами:

– Хреново мне. Дай подколоться.
– Мне, Людок, не жалко, но завтра работа, – усмехнулся Назаров. – Кстати, можешь посмотреть на груз. – И он кивнул на стол, где лежал пакет с взрывчаткой.

– И что в нем?
– Не знаю. И знать не хочу. Тебя это тоже не касается. Ладно, бери!

Назаров достал из кармана полпакетика, бросил Нестеровой. Женщина поймала его и улыбнулась:

– Через час буду в норме. – Фыркнув, она вышла из комнаты.

Назаров прошел в центральную комнату с печью.

Гавриленко сидел за столиком, курил. Увидев старшего подельника, спросил:

– Нормально все?
– Нормально.
– Как грузин?
– Да ничего.
– Не заметно, что замышляет подлянку?
– Нет. Нормально все, Степа.
– Мы прикидывать, как вести себя в лесу, не будем?
– А смысл? На месте сориентируемся. До леса еще добраться надо. Федька что?
– До твоего прихода просыпался. Из-за занавески высунулся, весь опухший, помятый, водки попросил. Дал ему стакан, кое-как выпил и опять на боковую. В полном нокауте он, Витя.
– Ну и хорошо. В десять – всем отбой!

Свернув в переулок, Гамсадзе остановил «Ниву», пересел на заднее сиденье, открыл кейс со спутниковой станцией, перевел ее в рабочее состояние, вызвал Мирзади.

– Слушаю, Рустам! – ответил тот.

– Груз передал!

– Хорошо. Слушай уточнение задачи. Завтра подъедешь к дому местного алкоголика в 7 утра. Тебя никто не должен видеть, ты должен видеть все. Исходя из этого, выбери подходящее место. Около 9 часов из дома выйдут Назаров и проститутка, затем Гаврик. Как отъедут, ты пройдешь в дом, убедишься, что хозяин халупы готов, затем приедешь к объекту и встанешь так, чтобы контролировать происходящее. После взрыва следуешь в лес и там решаешь вопрос с Назаром и Гавриком. Валишь их и сбрасываешь в реку, туда же машину. После этого докладываешь мне. Я скажу, что делать дальше. Как понял?

– Понял, Абдулла.

– Прекрасно. Удачи.

– Благодарю, до связи.

Отключив станцию и уложив ее в кейс, Гамсадзе занял место водителя и повел «Ниву» через центр на восточную окраину, где под видом искателя приличного земельного участка под строительство коттеджа снимал квартиру в одной из немногих «хрущевок» районного центра.

В 22.00 в доме все стихло, только Федька иногда всхлипывал во сне.

Назаров прилег на лавку у печи, так, чтобы Федька при всем желании незаметно не мог спуститься вниз, и уснул.

Ночью по стеклу окон ударили капли дождя. Где-то далеко загрохотал гром. Спал у себя на съемной квартире и Гамсадзе. Он все тщательно спланировал вечером, потом поужинал, искупался, лег спать в мягкую кровать, совершенно не думая о завтрашнем дне, потому что знал, что тот пройдет на автомате. То, что спланировано, будет реализовано. Нервы у Гамсадзе были крепкие, оттого и спал он крепко.

Поднялся Рустам в 6 утра. Воскресный день выдался ненастным. К утру дождь стих, но свинцовое облако закрывало небосклон, грозя каждую минуту снова разразиться грозой и ливнем. У него все было готово. Приведя себя в порядок и позавтракав, Гамсадзе протер те места квартиры, где мог оставить отпечатки пальцев. Таких мест было немного, опытный боевик старался прикасаться только к необходимым предметам в квартире. То, что хозяйка-пенсионерка знала его в лицо, не грозило совершенно ничем. Снимал двушку он под чужой фамилией. Под фамилией и по документам человека, уже два года как похороненного на кладбище под Потти. Да и кто станет спрашивать хозяйку о ее постояльце, который ничем не привлек к себе внимание соседей? Но отпечатки все же следовало убрать. Только по ним в случае неожиданного и пусть только теоретического провала, полиция и ФСБ могут узнать, КТО именно находился в Борске накануне взрыва.

В 6.40 он позвонил хозяйке:

– Анастасия Владимировна? Гурам, доброе утро, извините, что звоню так рано.

– Ничего, Гурам, в мои годы встают рано, – ответила хозяйка.

– Извините, Анастасия Владимировна, но обстоятельства сложились так, что я должен немедленно уехать.

– У вас что-то произошло?

– Мама заболела, и я должен быть с ней.

– Вы хороший человек и примерный сын, не то что мой оболтус, под пятьдесят, а все ума не наберется. О почтении к матери и говорить нечего, я ему нужна только тогда, когда получаю пенсию да плату за квартиру.

– Сожалею, люди, они разные.

– Да, но мы договаривались на месячное проживание, и если бы я знала, что вы съедете раньше...

– Не волнуйтесь, Анастасия Владимировна, я оплачу аренду квартиры за месяц, – не дал ей договорить Рустам.

– Но я не смогу сейчас подъехать.

– Этого и не требуется. Я оставлю деньги и ключи в зале на столе, дверь же захлопну.

– Не знаю почему, но я вам верю.

– Люди должны верить друг другу, иначе жизнь превратится в ад.

– Согласна. Хорошо. Желаю вашей матушке скорейшего выздоровления, и передайте ей, пожалуйста, что у нее прекрасный сын.

– С удовольствием. В квартире порядок. До свидания. Буду в вашем поселке, обязательно сниму квартиру у вас.

Гамсадзе отключил телефон, протер трубку, положил на рычаг старого аппарата и усмехнулся: «Знала бы старая карга, какой из меня прекрасный сын».

Но деньги отсчитал все и, оставив ключи, вышел в подъезд, захлопнув за собой дверь. В 7.00 он уже был в том же переулке, откуда выезжал вчера на встречу с Назаром и по которому возвращался домой. Этот проулок был очень удобен, ни одной калитки, выходящей в него, зато много кустов и деревьев, а у поворота на пустырь небольшая площадка, будто кто-то специально сделал ее для стоянки машин. Впрочем, возможно, так оно и было. Закрыв «Ниву» и соблюдая меры предосторожности, он не спеша прошел к покосившемуся забору участка Алтунина. Обошел его и встал за развесистой ивой, откуда ему был виден и дом, и двор, где находились боевики группы Назара. Посмотрел на часы. До начала главных действий еще полтора часа, но ничего, он подождет. Гамсадзе умел ждать, это не было для него в тягость.

В доме же первым проснулся Алтунин. Стал спускаться с печи и наступил на Назарова.

– Ты чего, Федька? – вскочил тот.

– В сортир мне надо, мочи нет.

– Пойдем!

– Я че, один не смогу?

– Сможешь, но и мне надо в туалет.

– А! Голова-то как трещит! Перебрал вчера. Нальешь опосля?

– Налью. Как не налить на прощание?

– А бабки?

– Ты же в сортир хотел.

– Бабло важнее, – переминаясь с ноги на ногу, проговорил Федор.

– Будет тебе все!

– Ну, лады, побежал. – Он пулей вылетел из дома и закрылся в туалете.

Вернулся Федька бледный, как поганка:

– Фу, сука, вывернуло всего. Да еще желчью. Давно так не блевал.

– Налить?

– Он еще спрашивает. Но немного. Первую пару стаканов вынесет наружу, по опыту знаю, хорошо, если третий провалится.

– У тебя целая наука, как похмеляться в экстремальной ситуации.

– Было бы чем, а похмелье собою.

Назаров достал из дорожной сумки Гавриленко бутылку водки. Федор поставил на стол стакан, выложил начатую пачку «Примы».

– Хватит? – спросил Виктор, налив в стакан граммов сто.

Федор кивнул, опрокинул в себя водку и сжался, сложив руки на коленях. Его сотрясали рвотные позывы, но он терпел. Правда, недолго, сорвавшись с места, кинулся к помойному ведру.

– Первая вылетела, мать ее, – вернувшись, пробурчал он и налил себе еще граммов сто двадцать.

И вновь его вырвало. И в третий раз тоже. Только после последних в бутылке сто граммов он икнул и облегченно вздохнул:

– Провалилась! Теперь будет ништяк, давай, Витя, второй «пузырь», надо закрепить успех.

Назаров не жалел водку, и уже через час Федька свалился с табурета на пол.

– В хлам, то, что и надо. Положить его на лавку? – усмехнувшись, спросил Гавриленко.

– Пусть лежит, где лежит, не трогай. Бутылки протри, да в ладони его зажми, чтобы на «пузырях» остались лишь отпечатки Феди-Синяка.

Когда Гавриленко закончил уборку, в комнату вошла Нестерова.

Ее было не узнать. Ни намек на морщины, на щеках румянец, темные круги прошли, глаза поблескивали, губы и ресницы накрашены, волосы уложены в пучок. Одета Людмила была в легкое платье до колен, ни дать ни взять порядочная женщина, примерная супруга и хозяйка.

– Ты ли это, Людок? – воскликнул Гавриленко.

Нестерова презрительно глянула на него, села на диван, положив ногу на ногу, и произнесла:

– Я готова.

– Прелестно! – Назаров уложил взрывчатку в обычный целлофановый пакет и повернулся к ней: – Возьмешь это и сумочку.

– Может, сейчас скажешь, кому я должна передать этот пакет?

– Я этого мужика не знаю. Рустам говорил, что будет он в джинсах, в белой майке с изображением Че Гевары, в руках спортивная сумка. Стрижка короткая, волосы темные. Да, у него еще будут очки солнцезащитные. Впрочем, какой смысл так подробно описывать клиента, если он на объекте будет один. А тебе, Людок, туфельки на высоком каблуке следует сменить на более удобную обувь. На стройке шпильки долго не протянут.

– Ладно, надену босоножки.

– Так, время? – Назаров взглянул на часы: – 9.20. Пора начинать выдвигаться. Переобуйся, Люда, и пойдем во двор.

– Может, донесешь пакет до машины? Поможешь даме?

– Обязательно. Гаврик останется здесь, чтобы убрать последние следы, и к машине.

– Понял.

Нестерова быстро переобулась, Назаров забрал пакет, и они вышли во двор. Гавриленко протер всю мебель, наклонился над Алтуниным:

– Ну что, Федька, пора в путешествие?

Отрубившийся, казалось надолго, Алтунин вдруг очнулся:

– Уходите? А бабки? Где мои бабки?

– Ты смотри, ожил, а только что в коматозе валялся.

– Где Витька?

– Ты поднимись сейчас, деньги твои на столе, я и остался, чтобы разбудить тебя.

– Да? Тогда помоги.

– С удовольствием, Федька.

Гавриленко помог Алтунину подняться, Федьку зашатало, пришлось брать его под мышки. Он тупо смотрел на пустой стол:

– И где мои бабки?

– Да вот они.

Гавриленко вдруг перехватил Федора так, что голова оказалась зажатой в правой руке, и резко ударил его о самый край стола. Федька охнул, ноги подкосились, тело, отпущенное убийцей, рухнуло на пол. Из раны на виске стала вытекать кровь, тело пробили судороги. Гав-

риленко подождал, пока Алтунин затихнет, пощупал пульс. Пульса не было, Федька не дышал, лицо начало синеть.

– Ну вот и получил расчет, Федя. Теперь на том свете будешь «горькую» выпрашивать. И ведь не дадут. Ни в раю, ни в аду.

Он протер шею, за которую касался, осмотрел комнату, забрал свою сумку, вышел во двор и показал Назарову большой палец правой руки.

– Отлично, давай к тачке, заводи! – кивнул главарь банды.

«Копейка» завелась с полоборота.

Мужчины сели вперед, Гавриленко за руль. Нестерова, в окружении сумок, устроилась на заднем сиденье. Полная тонировка не позволяла рассмотреть пассажиров, а солнцезащитные пленки закрывали сверху чуть ли не половину лобового стекла. Ворота Назаров уже открыл, и Гавриленко не спеша вывел «Жигули» со двора и так же не спеша повел по пустынной улице.

Как только «копейка» отъехала с участка Алтунина, во двор зашел Гамсадзе. Осмотрелся, поднялся на крыльцо. Рукой в перчатке открыл двери в сени, прошел в горницу.

Федор Алтунин лежал, скорчившись, у стола. На краю и под черепом кровь. Пульса нет, дыхания тоже, тело холодное. Убедившись, что он мертв, Гамсадзе быстро вернулся к «Ниве» и повел ее к заранее выбранному месту, небольшому закрытому магазинчику спорттоваров на параллельной улице, что вела к фрагментам забора давно строящегося и, скорее всего, никому уже не нужного гипермаркета. Ему пришлось пройти, чтобы выйти туда, откуда был виден гипермаркет и капот «Жигулей». Рустам успел заметить, как в пространство между заборами юркнула женщина с сумкой, лишь издали напоминая Людмилу Нестерову. Но это была именно она. Гамсадзе ждал, глядя на минутную стрелку ручных часов, медленно подбиравшуюся к цифре «12». Ровно в 10.00 стройку осветила огненная вспышка, раздался оглушительный взрыв, и на месте стройплощадки показалось облако пыли. По ближайшим домам и улицам ударили осколки камня, железа, и следом за первым взрывом послышался второй – это обрушились стены, а с ними балки перекрытия, лестничные пролеты. Гамсадзе пошел к «Ниве», глядя на ближайшие дома. В них были выбиты стекла, дым с пылью затягивал район. Где-то начали раздаваться крики. Он сел в машину и поехал на выезд из города.

«Копейка» подошла к площадке перед стройкой в 9.50.

Гавриленко припарковал автомобиль так, чтобы тут же уйти в переулок справа. Назаров повернулся к Нестеровой, улыбнулся, но эта улыбка была больше похожа на звериный оскал:

– Твой выход, Людок! Давай быстро! Жди в центральном зале, он круглый, с опорами, но без купола, должен быть мужик в джинсах и майке, в очках, ну, ты знаешь. Передашь ему пакет и сразу же в обратку.

– А если его не будет?

– Ждешь до 10.05, часы-то у тебя есть?

– Есть!

– Так вот, если до 10.05 он не появится, тащишь пакет обратно. Вернем его Рустаму, пусть сам разбирается с мужиком. Ясно?

– Ясно!

– Давай, Людок. По приходе тебя ждет доза отменного «герыча».

– И бабки!

– Это само собой. Но давай, не тяни время.

Нестерова вышла из «копейки», прошла к пространству между частями забора, скрылась на стройке.

Назаров достал пульт дистанционного управления и уставился на часы. Гавриленко вдруг заерзал на водительском кресле, и он удивленно спросил:

– Ты чего, Степан?

– До сих пор не пойму, на хрена гробить Людку ради пустого места? Нет, она, конечно, тварь, шалава, но вот так, без толку...

– Кому без толку, кому нет. Абдулле не без толку. Все, 10.00!

Виктор выдвинул антенну и нажал кнопку. От мощного взрыва оба бандита полностью пригнулись. В лобовое стекло угодил крупный камень, хорошо, что не сталенит, а то зацепило бы осколками. По крыше и капоту забарабанили камни, волной из-за забора повалил черный едкий дым. Еще грохот, и появилась волна гари и пыли.

– Валим отсюда, Гаврик! Да поживее! – выкрикнул Назаров.

«Жигули» нырнули в переулок, вышли на улицу, где остановился Гамсадзе, и побежали к окраине.

– Не хреново грохнуло! – воскликнул Гавриленко.

– Знато, слов нет.

– Интересно, от Людки что-нибудь осталось?

– Глаз где-нибудь на арматуре висит, а под ним оторванный кусок босоножки.

– Я серьезно.

– И я серьезно.

Гавриленко повел «копейку» к выезду из города. Ни он, ни Назаров не заметили стоявшую у мостика через канаву белую «Ниву». Мало ли таких машин в городе.

В это время заядлый рыбак, подполковник-отставник Иван Семенович Грызло, устроившись недалеко от обрыва в кустах, вытащил из реки крупного лопыря. Довольно хмыкнув, бросил его в сетку, насадил наживу, забросил удочку. Грызло, уволившись из вооруженных сил и вернувшись в родной Борск, все свободное время занимался рыбалкой. А его, времени, было предостаточно. Ловил подполковник круглый год, летом и зимой, осенью и весной, даже в разлив, когда остальные рыбаки сидели дома. Он напрочь отметал браконьерские штучки типа сетей или вершей, не признавал и донок, и спиннингов, ловил только на удочку, и то без катушки. По сути, после скоропалительной и безвременной смерти супруги река и озеро стали его вторым домом. А может быть, и основным.

Забросив удочку, Грызло достал из рюкзака бутерброд и бутылку воды, спиртное на рыбалке он не употреблял. После, под уху, да, выпивал, но на рыбалке – ни грамма. Он слышал, как к лесу приближалась машина, и очень удивился. Этой дорогой, особенно в это время года, почти никто не пользовался. Сам он приехал на велосипеде, который позволял отставнику поддерживать хорошую физическую форму. Но машина шла и шла. Может быть, такой же, как и он, фанатик рыбной ловли решил выехать на рыбалку или егерь объезжал свои владения? Однако дальнейшее заставило Грызло прекратить любимое занятие.

Машина остановилась на лужайке у самого обрыва. Послышались голоса двух мужчин. Отставник решил посмотреть, что это за люди и что они забыли у обрыва, где ставить машину было опасно. Не рассчитаешь немного, и сорвется в омут, так как обрыв имел вид вогнутого внутрь склона. На край пешком рискованно было выходить, а тут машина. Он вытащил на берег леску, положил удилице на песок и пошел по береговой линии, прорываясь кустами. Бывший командир отдельного разведывательного батальона знал, как передвигаться в различных условиях, оставаясь невидимым и неслышанным. У крайнего куста Грызло залег. Вспомнил боевую службу, вот так он, еще командуя взводом, подбирался к лесным бандам боевиков. Услышанное потрясло его...

Гавриленко остановил «Жигули» в двух метрах от обрыва, не зная, что еще немного, и сорвался бы в реку. Проговорил, осмотревшись:

– Не понял. А где наш Рустам?

– Не видно. По крайней мере, его тачки. Выходим, Степа, а то в «копейке» мы как в мышеловке.

Бандиты вышли из машины, встали у открытой двери водителя.

– Ты что-нибудь понимаешь, Витя? – озираясь, спросил Гавриленко.

– Думаю, Рустам контролировал подрыв Людки, поэтому мы приехали раньше.

– А если он приехал раньше, оставил свою «Ниву» дальше и сейчас лесом подбирается к нам? Кстати, у него ствол. «ПМ».

– Знаю. Но из «ПМа» стрелять из леса все одно что из рогатки, далековато. По-любому ему придется выходить на открытое пространство.

– А ты уверен, что он не обзавелся вольной типа «Сайги»? Тогда достанет и из леса.

– Не-е, если только из карабина. Но, уверен, его еще не было, он скоро подъедет.

– Что-то мне стремно, Витек!

– Не дрейфь, Гаврик, главное – внимание. Если Рустам все же получит приказ кончать и нас, то будет стрелять, когда выйдет из машины. На ходу это сделать трудно. Не прицелишься, да и правую руку в окно не выставишь.

– Выйдет, и что?

– Посмотрим. Если все нормально, то первое, что сделаем, отберем у него ствол и осмотрим тачку. Тогда он уже ничего не сможет сделать.

– А в городе?

– Там видно будет. Абдулла обещал быстрый перевод денег. Получив бабки, мы раскидаем их на другие счета по компьютеру. Потом определимся, линять или нет.

– Линять надо однозначно, Витя.

– Ну если однозначно, то слиняем, – усмехнулся Назаров. – С бабками мы можем очень многое. Это без бабок человек никто, а деньги? Они дают свободу и возможности.

– Особенно большие деньги.

– У нас с тобой неплохой тандем сложился.

– Неплохой, но... тихо, кажется, приближается «Нива».

Бандиты прислушались. Действительно, со стороны райцентра донесся прерывистый звук двигателя «Нивы».

– Это Рустам, – проговорил Назаров.

– Похоже. Если только не менты.

– Менты напрямую не пошли бы. Рустам. Вон белая «Нива».

– Теперь вижу.

– Ты встань за капотом, а я останусь здесь. Как «Нива» встанет, позову Рустама. Подойдет, ты ко мне, и обыскиваешь его.

– Возмутится.

– Да плевать. Будет дергаться, морду набьем.

– Нельзя. Ему нас везти. Куда с разбитой физиономией?

Казалось, все делали Назаров и Гавриленко правильно. Стрелять с ходу из машины в надежде сразу же поразить две цели сложно даже очень подготовленному стрелку, каким был Рустам Гамсадзе. Но при одном условии – что стрелок, как большинство людей, был бы правой. Рустам же одинаково хорошо владел и правой, и левой рукой.левой даже лучше. И он был опытнее Назарова с Гавриленко, понимал, что те знают о стволе и попытаются его разоружить. Поэтому он подъезжал медленно, управляя машиной правой рукой, а в левой держа готовый к бою «ПМ».

Глава четвертая

Подъехав к «Жигулям» на десять метров, улыбающийся Гамсадзе выставил в окно руку, вооруженную пистолетом, и нажал на спусковой крючок. Две пули попали в голову Назарову, две в грудь Гавриленко. Бандиты никак не ожидали подобного, поэтому не успели укрыться. Гамсадзе действовал быстро и профессионально. Резко затормозив в двух метрах от машины, он вышел из «Нивы». Если дергающееся в предсмертных судорогах тело Назара он видел, то Гавриленко нет. А тот был еще жив. Получив пули в грудь, одна из которых засела в легком, другая под ключицей и над сердцем, он был ранен тяжело, но не смертельно и, оставляя кровавый след, полз к кустарнику, словно кусты могли защитить его от беспощадного убийцы.

Гамсадзе не спеша обошел «Жигули» и подошел к ползущему Гавриленко:

– Далеко собрался, Степа?

– За что, Рустам? Мы же сделали все, как надо, – повернувшись на спину, прошептал тот.

– Честное слово, Степа, лично у меня ни к тебе, ни к Виктору никаких претензий нет, – притворно вздохнул Гамсадзе. – Но Абдулла приказал пустить вас в расход, и хочешь знать почему?

– Почему? – выдавил из себя Гавриленко.

– Из-за вашей банальной глупости. Из-за пьянки, что вы устроили на хате Федьки. Не было бы той гулянки, глядишь, все и обошлось бы.

– Нет, Рустам, не из-за пьянки. Абдулла планировал убрать всех свидетелей акции в райцентре. И тебя он уберет. В Москве и уберет.

– Ошибаешься. Но, может, хватит? Зачем мучиться? Закончим дело последним выстрелом?

– Не надо, Рустам, прошу тебя. У меня есть деньги, ведь ты хочешь заработать денег, я их отдам тебе. Много, Рустам, отвези лишь в больницу. Сам не показывайся, выброси рядом. Там как-нибудь доползу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.